

ИДЕЯ ЦЕЛОСТНОСТИ В РЕГИОНОЛОГИИ: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ КРИТИКА*

Иванов Кирилл

Андреевич – младший научный сотрудник. Лаборатория устойчивого развития Байкальского региона, Иркутский институт химии им. А.Е. Фаворского Сибирского отделения Российской академии наук. Российская Федерация, 664003, г. Иркутск, ул. Фаворского, д. 1; e-mail: kirill_ai@irioch.irk.ru

Кремнёв Евгений

Владимирович – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, доцент-исследователь. Институт образования и гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта. Российская Федерация, 236041, г. Калининград, ул. Александра Невского, д. 14; e-mail: kremnyov2005@yandex.ru

Тэлина Елена Артёмовна –

стажер. Научно-исследовательский центр трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона, Иркутский государственный университет.

В статье ставится проблема эпистемологического разрыва в современном знании о регионе, который выражается в отсутствии общих оснований регионологических школ и направлений, единого понимания региона как объекта и, как следствие, адекватных подходов и методов. С точки зрения авторов, данная проблема продиктована, с одной стороны, дискретностью академических подходов к определению региона, с другой – многослойностью конфигурации любого социально-географического пространства. Решение указанной проблемы авторы видят в эпистемологической критике концепции региона, неспособной понять его целостность. Цель статьи – через экспликацию теоретического ресурса социальной топологии Джона Ло к региону выстроить «оптику», потенциально применимую к формированию системы знаний о нем. Анализ основных подходов в регионологии и урбанистике позволяет выделить три ключевых типа пространства в данных отраслях научного знания – физическое, социальное и дискурсивное. Для сведения данных типов пространств в целостный теоретический конструкт, предполагаемый в качестве универсального объекта регионологического знания, взяты уже имеющиеся работы по применению акторно-сетевой теории в городских исследованиях. Регион представлен как топологическая целостность, совмещающая указанные типы пространства в качестве форм пространственности, неразрывно связанных и гомеоморфных друг другу. Связка данных форм, кристаллизующих регион, концептуализирована в термине «устойчивое ядро отношений». Указанный подход, обозначенный как региональная топология, призван преодолеть эпистемологический разрыв в современном регионологическом знании и представить общие основания для современной и эпистемологически скорректированной теории региона.

Ключевые слова: эпистемология региона, регионологическое знание, городские исследования, пространство, акторно-сетевая теория, социальная топология, гомеоморфность, устойчивое ядро отношений, региональная топология

* Статья подготовлена в рамках темы госзадания «Байкальский регион: особенности и приоритеты пространственного развития в контексте обеспечения эколого-социально-экономической устойчивости уникальной природной системы. Бюджетный цикл 2026–2030 гг». This article was prepared within the framework of the state-funded research assignment “The Baikal Region: Features and Priorities of Spatial Development in the Context of Ensuring the Environmental, Social, and Economic Sustainability of a Unique Natural System (budget cycle 2026–2030).”

Российская Федерация,
664025, г. Иркутск,
ул. Ленина, д. 8;
e-mail: etelina414@gmail.com

THE IDEA OF INTEGRITY IN REGIONOLOGY: AN EPISTEMOLOGICAL CRITIQUE

Kirill A. Ivanov – Junior Research Fellow. Laboratory for Sustainable Development of the Baikal Region, A.E. Favorsky Irkutsk Institute of Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 1 Favorskiy St., Irkutsk 664003, Russian Federation; e-mail: kirill_ai@irioch.irk.ru

Evgeny V. Kremnyov – Doctor of Sciences (Sociology). Research Associate Professor, Leading Researcher of Immanuel Kant Baltic Federal University. 14 A. Nevskogo St., Kaliningrad 236016, Russian Federation; e-mail: kremnyov@yandex.ru

Elena A. Telina – Intern of the Research Center for Transdisciplinary Regionology of Asia-Pacific Region, Irkutsk State University. 8 Lenin St., Irkutsk 664003, Russian Federation; e-mail: etelina414@gmail.com

The article raises the problem of epistemological gap in the modern knowledge of the region, which is expressed in the absence of common foundations of regional schools and directions, a common understanding of the region as an object and, as a consequence, of adequate approaches and methods. From the authors' point of view, this problem is dictated, on the one hand, by the discreteness of academic approaches to the definition of the region, on the other hand, by the multi-layered configuration of any socio-geographical space. The authors see a solution to this problem in the epistemological critique of the concept of the region, which is unable to grasp its integrity. The aim of the article is to build an "optics" potentially applicable to the formation of a system of knowledge about the region through the explication of the theoretical resource of John Law's social topology. The analysis of the main approaches in regionology and urban studies helps to identify three key types of space in these branches of scientific knowledge – physical, social and discursive. To bring these types of spaces into a holistic theoretical construct, assumed as a universal object of regional knowledge, authors take existing works on the application of actor-network theory in urban studies. The region is presented as a topological integrity, combining the above types of space as forms of spatiality, inextricably linked and homeomorphic to each other. The bundle of these forms crystallizing the region is conceptualized in the term "sustainable core of relations". The above approach, labeled as regional topology, is designed to overcome the epistemological gap in modern regional knowledge and to present common grounds for modern and epistemologically adjusted epistemology of the region.

Keywords: epistemology of region, regional knowledge, urban studies, space, actor-network theory, social topology, homeomorphism, stable core of relations, regional topology

Постановка проблемы

Последние десятилетия пространство все чаще попадает в поле зрения социально-гуманитарного знания. «Пространственный поворот», терминологически выросший из критической географии [Soja, 1989], превратился в своеобразное научное направление. Несмотря на то, что форма, границы, наполнение и влияние данного (как и любого другого) «поворота» часто становятся предметом дискуссии, главное его следствие можно обозначить как перевод пространства из статуса фонового придатка для социальных интеракций в статус их фактора, условия и даже результата. Корпус идей, включающих пространственное измерение для построения различного рода теорий, довольно широк и используется во всем спектре научных дисциплин, от этнографии до макроэкономики и теории международных отношений, однако особенно остро потребность в осмыслении различных типов пространства стоит в тех дисциплинах и субдисциплинах, которые напрямую работают с пространственными концептами в качестве своего объекта. Изучение этих концептов порождает научные направления как общего, так и более частного характера – регионоведение часто позиционируется как поле для изучения межстранового взаимодействия, страноведение – внутривосточных процессов, урбанистика – городских пространств. Вместе с тем, принимая идею, что любое пространство социально-географического характера – это регион с определенными характеристиками, на основании которых выделяется он сам и конструируются его границы, можно предположить, что приведенные в пример дисциплины представляют собой соположимые научные направления, теоретическая основа которых лежит в плоскости их общего объекта.

С точки зрения эпистемологии под регионом можно понимать «условно выделенную исследователем территорию, выступающую объектом изучения в рамках конкретного исследования» [Кремнёв и др., 2020, с. 115], при том что базовым представлением о регионе является признание целостности его пространства. Указанная территория обладает такой совокупностью признаков, которая делает ее единым целым, продуцируя внутреннюю связность и устойчивость. Если рассматривать в качестве примера региона город, то он является сложной многослойной структурой, включающей, кроме разного рода материальностей, социальные порядки, определенную пространственную экономическую конфигурацию, правовые режимы, культуру и собственные нарратив и дискурс, функционирующие в качестве механизмов самоописания, самовоображения и, соответственно, внутренней и внешней репрезентации. Помимо этого, в качестве составляющих города учитываются «негородские» пространства и сообщества – российский «частный сектор», бразильские

фавеллы, китайские «деревни в городах» и «города-регионы» [Wang, 2024] и т.д. Подобная многослойность и комплексность характерны для онтологии абсолютного большинства пространственных концептов, что сильно затрудняет выделение их сущностных характеристик, вывод четкого определения и, что особенно важно, синтез адекватной научной парадигмы, способной объединить все дисциплины, применимые к выявлению полноценной картины исследуемого объекта.

Между тем в классических натуралистических и позитивистских программах социальных наук закрепились установка рассматривать изучаемые явления как внешне данные и объективно наблюдаемые факты («социальные факты следует рассматривать как социальные вещи») [Дюркгейм, 2021, с. 10–11]. По данной логике, выработка методологии в рамках узконаправленных дисциплин определяет строгие правила, следуя которым исследователь имеет возможность «пробиться» к реальности, тем самым получая возможность породить новое знание. Мы не отрицаем, что такой подход полезен и важен для функционирования социальных наук и наук в целом. Однако однородность объекта, его априорная когерентность часто стоит под вопросом. Многие исследуемые феномены являются текучими, сложными, неоднородными сущностями, соответственно, для их качественного изучения и получения четкой картины часто требуется пересмотр теоретической рамки. В противном случае в качестве результата мы получаем скорее суррогат знания, произведенный под влиянием дисциплинарных и методологических границ, поскольку «методы, их правила и еще более их применение не только описывают, но и помогают производить познаваемую реальность» [Law, 2019, p. 5].

Частным случаем описываемой сложности изучаемого социальными науками феномена является регион. В данной статье мы, используя теоретический ресурс социальной топологии Джона Ло, попробуем показать, что комплексность и наличие «множественных форм пространственности» [Law, 2002, p. 92] в регионе вовсе не означает априорный эпистемологический разрыв при изучении этих форм. Наша гипотеза состоит в том, что регион является конструктом, состоящим из разнообразных объектов, сетей и пространств, изучать которые возможно не только в рамках специальных классических отраслей научного знания, но и через призму единой топологической «оптики». Цель статьи – выстроить эту «оптику» через экспликацию идеи социальной топологии к региону. Для этого следует провести краткий анализ различных школ регионологического знания, сформулировать подходы к выявлению общих оснований эпистемологии региона и, наконец, показать регион как топологическую целостность, проявляющуюся в результате намеренной концептуализации.

Эпистемологический разрыв в понимании региона

Базовой проблемой, порождающей эпистемологический разрыв в понимании региона, является отсутствие внятного консенсуса в определении основного понятия в регионологических исследованиях. Регион стал самостоятельным предметом исследований сравнительно недавно, необходимость его выделения как объекта науки оформилась лишь к 1950–1960-х гг. Уже тогда он мыслился как сложный объект, требующий комплексного изучения. Однако сформировавшиеся в то время научные направления хотя и ставили задачей разработать мультидисциплинарный научный аппарат для исследования региона, не смогли эту задачу решить. Максимальный результат, которого удалось достичь школам того времени, – это междисциплинарный подход с доминантной дисциплиной в основе. Так, районная школа Н.Н. Баранского, возникшая в СССР в первой половине XX в., была ориентирована в первую очередь на решение экономических проблем. Подобным образом на экономических проблемах сосредоточилась и американская школа региональной науки (regional science), основанная У. Айзардом в 1954 г. [Boyce, 2003]. Сформировавшееся параллельно регионоведение (area studies) выбрало другую дисциплинарную доминанту и направило свои силы на выявление роли регионов мира в глобальных процессах [Katzenstein, 2002]. Таким образом, уже на данном этапе развития регионологических исследований регион как объект расщепился на регион экономический, социальный, политический и всякий иной, но не получил должного осмысления как комплексный феномен.

Дальнейшее развитие регионологических направлений усилило эту тенденцию. В зарубежной науке продолжилась практика выделения собственного типа региона в зависимости от дисциплинарной направленности, подобным образом это делается и в отечественных регионологических исследованиях. Их объектом становится регион только как модель, представляющая собой носитель определенных признаков, определяемых либо методологически-дисциплинарно, либо через наиболее значимую для конкретной научной школы проблему. В экономико-географическом ракурсе изучается региональная экономическая подсистема, особенности ее пространственного функционирования, стратегии управления этим пространством [Демьяненко, 2003]. В политическом – процессы глобализации и регионализации [Плотникова и др., 2013] и влияние регионального развития и межрегиональных связей на систему международных отношений [Вершинина и др., 2023]. В социокультурном – гуманитарные аспекты развития регионов, их культурно-философская логика [Павловский, 2014]. Список не исчерпывается этими ракурсами, а границы и наполнение

исследуемого объекта в различных научных школах вариативны и могут совпадать с административно-территориальной единицей какой-либо страны, урбанизированной зоной, индустриальным районом, отдельной страной или пространственным конгломератом из нескольких стран. При этом часть этих школ настаивает на «плавающих границах» региона, часть – на необходимости остановиться на некотором количестве характеристик, позволяющих жестко определить регион как объект.

Описанная ситуация приводит к тому, что мы не находим единства ни в части комплекта академических дисциплин, теоретически и методологически определяющих ту или иную школу, ни, соответственно, в определении главного объекта, за попытки выделения которого силами конкретной дисциплинарной и проблемно-ориентированной доминанты ведется жесткая борьба. Подобная неопределенность и выливается в основной эпистемологический разрыв в понимании региона – отсутствие методологии, позволяющей дать целостную картину региона, представление о нем как о едином пространстве, качества которого взаимосвязанно влияют на региональное развитие и межрегиональное взаимодействие. Решение этой проблемы, наш взгляд, лежит в топологическом подходе как новой оптике эпистемологии региона.

Что предлагает топологический подход

Взяв за основу социальную топологию Дж. Ло, мы предлагаем адаптировать ее идеи для выработки методологической и эпистемологической «оптики», которая успешно встроится в инструментарий регионологического знания. Говоря о равенстве онтологического статуса материальностей, сообщества и дискурса на языке акторно-сетевой теории, мы говорим об онтологии «плоского мира» [Latour, 2005], когда статус того или иного элемента, вне зависимости от его материальности или одушевленности, имеет равное положение и значение в цельной конструкции социального пространства. Таким образом, все измерения пространства являются частью системы более высокого порядка, цельной, без эпистемологических разрывов, взгляд на которую и призвана сформировать социальная топология. Попытка сформировать подобные подходы обнаруживается в исследованиях региона в самом общем смысле. Так, Б. Стифтель, В. Уотсон, Г. Аксельрад указывают на то, что так называемая «региональная специфика» может определяется как совокупность характеристик регионального социума, сложившаяся в результате взаимодействия языковых, географических, культурных и иных факторов вне глобального контекста [Stiftel, 2006]. Таким образом, в современных

регионологических исследованиях уже назрела концепция триединства физического, социального и дискурсивного.

Регион как целостное пространство

Важным шагом к пониманию интегральности регионологического знания стало предложение А.И. Сухарева, внесенное им в 1981 г.: выделить регионологию в отдельное научное направление интегрального характера [Доленко, 2011]. Его дальнейшее развитие как целостной и комплексной науки базируется на понимании нерасчетности академического и неакадемического знания о регионе, учета широкого социального контекста в русле подходов социальной эпистемологии: регионология учитывает «зависимость пространственно-временных характеристик знания от состояния общественных систем (скорость, широта, глубина, открытость, скрытость)» [Касавин, 2006, с. 10] и то, что «знание продуцировано объектами, не только воплощенными индивидуально, но также коллективно вовлеченными в некоторые специфические отношения, продолжающиеся на больших временных и пространственных отрезках» [Фуллер, 2008, с. 159]. Однако, чтобы избежать диверсификации всего репертуара используемых дисциплин в применении трансдисциплинарной парадигмы, для сохранения устойчивости своего объекта и четкости методологии необходимо развивать соответствующую теоретическую рамку. Далее мы предложим один из вариантов того, как концептуально уложить разные компоненты региона (социальные, экономические, правовые, материальные и другие порядки) в единую эпистемологическую конструкцию, универсально встраивающуюся в исследования пространственных феноменов с точки зрения социально-гуманитарного знания.

Если снова обратиться к городу как примеру условно выделенного региона, то на настоящий момент урбанистическая теория также не дает четкого определения понятия своего объекта. Антропологи, географы, экономисты, социологи, философы по-прежнему пытаются переосмыслить городское пространство, что сформировало целый комплекс отдельных подходов – фактическая сложность данного понятия не дает возможности интегрировать в себя ту палитру возможных значений, которые в совокупности смогут в полной мере отразить сущность города: «В центральной нервной системе терминологической структуры оно, конечно, представляет собой важную категорию; но служить основой для стабильных, надежных различий оно способно лишь в ограниченной мере» [Беркинг, Лёв, 2017, с. 396]. Однако вряд ли возможно предложить какое-либо определение города без привлечения пространственного измерения:

здания, транспорт, доставляющий объекты из одной локации в другую, взаимоотношения между этими объектами – все это существует в определенных пространственных показателях. Важнейшей составляющей города сегодня также является дискурсивное пространство, посредством языка и дискурса выстраивающее и связывающее различные его составляющие в общий нарратив, символически размечающий материальности и социальности города. Вся текущая жизнедеятельность города сопровождается непрерывной акселерацией внутригородских процессов, что непременно имеет последствия в виде его трансформации.

Город довольно давно осмысливается социальными науками как сложный конструкт физического и социального. В первом случае речь идет о физической евклидовой форме, о том, что называется физическим пространством или городскими материальностями. Во втором – о социальном порядке, во многом конституирующем городскую геометрию. Отдельно стоит выделить филологический взгляд на городское пространство, в фокусе которого находятся дискурс и нарратив города, через что объясняется связь между языком и пространством. Объект в рамках данного подхода выполняет двойную функцию – означаемого и означающего, раскрывая путь построения метафор и формируя устойчивые метафоры в отношении городов.

Все три указанных представления о городе – город как совокупность материальностей, город как сообщество и город как дискурс – взаимосвязаны, поскольку говорят об одном и том же объекте, высвечивая разные его компоненты. Большинство исследований города сегодня стараются совместить две первые перспективы [Hoffman, 2017]. Исследование роли и места городских материальностей в социальной жизни города вряд ли возможно без учета фактора сообщества, как и наоборот. Городской дискурс же, по сути, черпает свое наполнение именно из поля взаимодействия горожан и городского ландшафта, являясь удобным объектом для исследования, но в большей степени формируемым городом, чем формирующим его.

Возвращаясь от примера города к любому региону, следует указать на то, что неопределенность школ регионологического знания в части выделения своего объекта, а также его номинации и определения также растет из фундаментальной разницы в понимании и определении пространства в социальной теории. Социальный географ Б. Верлен говорит о трех классических интуициях пространства в философии – декартовско-ньютоновской (абсолютной/субстантивистской), лейбницевской (реляционной) и кантовской (эпистемологической) [Верлен, 2001]. Первая интуиция наиболее близка к обывательскому пониманию пространства и интерпретирует его как эмпирически осязаемую протяженную сущность, потенциально бесконечный контейнер, наполненный материальными объектами и не зависящий от чего-то внешнего. Лейбницевская интуиция пред-

ставляет пространство в первую очередь как порядок сосуществования объектов, выделяя в качестве конституирующего признака пространства наличие отношений между различными элементами его наполняющими. Кантовская интуиция, принимая эмпиричность пространства, тем не менее говорит о невозможности познания его истинной сущности, поскольку пространство лишь эпистемологическая и отчасти феноменологическая категория, форма чувственности, позволяющая видеть мир в знакомой и удобной для усвоения разметке. Само пространство при этом не существует как материальный объект, но может быть помыслено разными способами в качестве важнейшего элемента социальных интеракций.

Трансдисциплинарный подход предполагает объединение «ранее отдельных друг от друга, но взаимодействующих между собою дисциплин, к некоей единой исследовательской системе, в какую эти дисциплины входят как составные части, но уже без устойчивых границ» [Порус, 2015, с. 421–422]. Это позволяет объединить все три интуиции, отведя каждой свое место и позволяя им дополнять друг друга. Отсутствие такой возможности порождает ситуацию, при которой исследователи регионов, определяя свой объект и выбирая теоретико-методологические подходы к нему, не учитывают его целостности, а также разнообразия слоев его существования. Так, попытки определить регион лишь через строго дисциплинарные подходы или предметные поля, включенные в конкретное исследование, оказываются ближе к кантовской интуиции. Пространство в таком случае, как правило, воспринимается формальным образом как «организация наблюдаемого в консистентное множество, выделяемое на основе заданных параметров наблюдения» [Филиппов, 2008]. Расширить это понимание можно через выход за строго дисциплинарные рамки и близкую к лейбницевской интуиции пространства социальную топологию, применив ее к региональному пространству. В таком случае мы получаем новый эпистемологический подход, который мы обозначили как региональную топологию.

Региональная топология в эпистемологии региона

Говоря о регионе, как о топологической сущности, мы вслед за Б. Стифтелем и другими регионологами и урбанистами понимаем его как пространственную целостность. Она может быть представлена как состоящая из: а) различного рода материальностей: природный ландшафт и созданные человеком материальные объекты и системы (различные виды инфраструктур, застройка); б) населения, со всеми присущими ему атрибутами: социальные порядки, правовые

режимы, культурное пространство, религиозный фактор, экономические практики; в) региональные нарратив и дискурс (как циркулирующие внутри региона самописание и самовоображение, так и его дискурсивный образ): конструкт из метафор, стереотипов и коннотаций, определяющих видение региона.

В развитие идей Дж. Ло следует отметить, что три выделенных измерения региона не являются самостоятельными пространствами. Регион в этом понимании – не кусок пространства, содержащий более и менее «выпуклые» элементы, но совокупность данных элементов, мыслимых в рамках «плоской онтологии», рассматривающей все находящееся в регионе и все производные региона как равные в своем онтологическом статусе.

Говоря о совокупности трех составляющих региона (социальное, физическое и дискурсивное пространство), в рамках региональной топологии уместно будет применить концептуализацию «множественных форм пространственности» [Law, 1987; Law, 2002]. Действительно, с точки зрения акторно-сетевой теории регион является типичным примером «пространства сетей», в терминах Ло – тех самых локализованных и взаимосвязанных «множественных форм пространственности», коими являются население, материальности и дискурс. Однако «регион» здесь понимается не просто как любая организованная сетевым образом пространственная форма (пространство или место), но как мезоуровневая целостность, которая воспроизводится и удерживается одновременно практиками территориализации (границы, административная и инфраструктурная связность) и практиками символического и дискурсивного закрепления (нарратив, образ, идентичность) [Paasi, 1986]. Важно понимать, что в рамках данных «форм пространственности» и на их пересечениях образуются новые формы, более мелкие, в совокупности составляющие топологическую целостность. Эта целостность конституируется отношениями между всеми формами пространственности и множественными видами (не)человеческих акторов [Latour, 2005] и прочих «нелюдей», находящихся в рамках этих форм.

Если продолжать мыслить топологически, то выявление трех базовых форм пространственности неминуемо ставит вопрос об их эквивалентности. Наиболее понятным критерием эквивалентности пространства представляется геометрическое изменение, что вполне укладывается в понятийный аппарат топологии и упрощает исследовательскую логику. Одним из базовых терминов в топологии является гомеоморфность – т.е. непрерывность пространственности фигуры. Как в математике куб гомеоморфен сфере, так и все три «формы пространственности», находясь в пределах единого топологического конструкта региона, также гомеоморфны друг другу. Целостности же сетевому пространству региона в рамках предлагаемого подхода придает совокупность отношений между объектами и «формами

пространственности», в том числе произведенными от данных объектов. На фундаментальный вопрос «Что делает регион регионом?» региональная топология отвечает – «устойчивое ядро отношений» [Law, 1987]. Как португальский галеон делает португальским галеоном сам корпус судна, команда, выверенные маршруты следования и колониальная идеология, лишь в совокупности отличающие его от остальных судов, так и регион является регионом, только совмещая свой евклидовый контур, всю протекающую в нем антропогенную активность и те формы репрезентации, что региону соответствуют.

Конкретный методологический инструментарий может формироваться из различного рода методов, позволяющих выявлять указанное «устойчивое ядро отношений» как способ выражения региональной специфики. В частности, нам представляется актуальным следующий алгоритм: создание первичной модели ядра (гипотеза) → анализ первичной модели → корректировка первичной модели → окончательная модель ядра (описательная и визуальная).

Алгоритм может быть наполнен самым различным методологическим содержанием, в зависимости от того, как выбранные методы решают поставленные задачи. Например, на первом этапе для постановки гипотезы и создания первичной модели значимым инструментом могут стать экспертные интервью или свободный ассоциативный эксперимент, в зависимости от целей исследования или возможностей исследователя. Так, свободный ассоциативный эксперимент проводится с респондентами, репрезентирующими разные группы: коренных жителей региона, временных жителей региона, жителей других регионов, имеющих и не имеющих культурных связей с регионом, и т.п. Данные такого эксперимента позволяют воссоздать представление различных социальных групп о регионе, воспроизвести «поверхностный» образ региона, в котором будет содержаться актуальное восприятие физических объектов, социальных практик и дискурсивных стратегий. На втором этапе построенная таким образом первичная модель устойчивого регионального ядра отношений может быть проанализирована на основе более глубоких эмпирических данных о регионе. Так, методы включенного и невключенного наблюдения дадут информацию о степени вовлечения физических объектов в социальные отношения, методы географии, экономики и статистики – о реальном влиянии элементов физического пространства в топологическом пространстве региона. Опросы и интервью – о наиболее значимых типах социальных практик региона в их взаимосвязи с физической и дискурсивной составляющей региона. Анализ медиа – о том, как все три типа элементов регионального ядра актуализируются в различных нарративах о регионе, как внутри, так и вне его. На этом этапе могут использоваться и любые другие методы, позволяющие проанализировать и скорректировать первичную модель устойчивого ядра региональных отношений.

После третьего этапа – корректировки – можно перейти к последнему шагу: построению окончательной модели. Получившаяся в итоге модель может быть представлена в двух формах, описательной и визуальной, каждая из которых не заменяет, а дополняет другую.

При этом «окончателность» построенной модели будет иметь конкретную привязку к тому периоду, в который она была создана. Эта методологическая проблема решается путем дополнения указанного алгоритма методами изучения «поточковых структур» [Иванов, 2012], которые также применимы к современному региону, так как последний постоянно находится в движении и каждый день трансформирует свое «ядро», одновременно обладающее и устойчивостью, и динамичностью.

Выводы

Предложенный в данной статье подход претендует на решение некоторых эпистемологических задач, которые ставит перед собой трансдисциплинарная регионология в целом. Эта дисциплина предпринимает попытки объяснить, как сделать науку о регионе более полной, как вовлечь все научные дисциплины, необходимые для выявления целостной картины исследуемого объекта. Для этого в статье на основе концепций социальной эпистемологии был сформулирован и обоснован регионально-топологический подход, позволяющий построить модель устойчивого ядра региональных отношений. Эта модель дает представление о регионе как о целостном объекте, она позволяет сопоставлять различные регионы между собой, искать их возможные точки взаимодействия или зоны несовпадения.

При этом стоит учитывать, что позитивистское определение региона в условиях увеличивающейся подвижности и текучести с каждым днем становится все менее возможным – роль физического пространства сильно меняется, сообщество также существенно трансформируется, «отделяясь» от пространства и превращаясь в «разжиженный» субстрат недолговечных социальных связей. Несколько меняется роль и наполненность выделенных нами «множественных форм пространственности». С тотальной цифровизацией массивы текстов о регионе и из региона становятся важнейшим фактором его существования, ведь к их созданию и чтению потенциально имеет доступ большинство людей на планете. Дискурс в данном контексте выступает не просто совокупностью описаний, но механизмом кристаллизации различного рода объективаций, «поддерживаемых при помощи лингвистических обозначений» [Berger, 1991] и оставляющих значимый след в социальном и материальном. Для осмысления значения этих и других тенденций необходима адекватная ситуации

научная парадигма, способная встроить данный бесконечный ресурс эмпирических данных в совокупное знание о регионе, которое реализуется в предлагаемой нами топологической модели.

Наконец, применяя концепцию топологии к региону, говоря об «устойчивом ядре отношений», скрепляющем различные «формы пространственности», а также объекты и сущности внутри этих форм в цельный конструкт (регион), мы должны понимать, что это ядро в себя включает. Другими словами, ядро представляет собой комплексный ответ на три вопроса: какие именно типы социальных отношений определяют регион, какие объекты материального мира составляют его облик и, наконец, через какие дискурсивные практики он репрезентируется? Четвертым же, конституирующим вопросом становится следующий: как все эти три типа отношений формируют друг друга и перетекают друг в друга? Ответы на эти вопросы будут индивидуальны в каждом отдельном случае после применения данной «оптики» к эмпирическому материалу, что, в свою очередь, будет способствовать формированию новой эпистемологии региона, построенной на его понимании как целостного пространства.

Список литературы

Беркинг и др., 2017 – Беркинг Х., Лёв М. Собственная логика городов: новые подходы в урбанистике: сб. ст. / Пер. с нем. К. Левинсон. М.: НЛЮ, 2017. 424 с.

Верлен, 2001 – Верлен Б. Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 2. С. 26–47.

Вершинина и др., 2023 – Вершинина В.В., Колдунова Е.В., Куклин Н.С. Юго-Восточная Азия: подходы к миротворчеству и разрешению конфликтов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23. № 2. С. 265–277. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-2-265-277.

Демьяненко, 2003 – Демьяненко А.Н. Районирование и разработка стратегии регионального развития // Стратегия развития Дальнего Востока: возможности и перспективы. Т. 1: Экономика. Хабаровск: Дальневост. гос. науч. б-ка, 2003. С. 78–84.

Доленко, 2011 – Доленко Д.В. Александр Иванович Сухарев и развитие регионологии // Регионология. 2011. № 3 (76). С. 4–8.

Дюркгейм, 2021 – Дюркгейм Э. Правила социологического метода / Пер. с фр. В. Желнинова. М.: АСТ, 2021. С. 10–11.

Иванов, 2012 – Иванов Д.В. К теории потоковых структур // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 8–16.

Касавин, 2006 – Касавин И.Т. Социальная эпистемология: понятие и проблемы // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. VIII. № 1. С. 5–15.

Керимов, 2022 – Керимов Т. «Онтологический поворот» в социальных науках: возвращение эпистемологии // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21. № 1. С. 109–130. DOI: 10.17323/1728-192x-2022-1-109-130.

Кремнёв и др., 2020 – Кремнёв Е.В., Кузнецова О.В., Лесниковская Е.В. Трансдисциплинарная регионология: теория и методология / Под науч. ред. Е.Ф. Серебренниковой. Иркутск: ИГУ, 2020. 155 с.

Лефевр, 2002 – Лефевр А. Идеи для концепции нового урбанизма // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 19–26.

Павловский, 2014 – Павловский И.В. Социокультурное регионоведение как гуманитарная специальность // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 2. С. 102–109.

Плотникова, Дубинина, 2013 – Плотникова О.В., Дубровина О.Ю. Глобализация и регионализация, их влияние на международное сотрудничество регионов государств // Власть. 2013. Т. 21. № 2. С. 134–136.

Порус, 2015 – Порус В.Н. От междисциплинарности к трансдисциплинарности: мосты между философией науки и философией культуры // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Под ред. В. Бажанова, Р.В. Шольца. М., 2015. С. 416–432.

Ференски, 2020 – Ференски П.Я. Как выйти за стены академии и вернуться? // Прахема. Проблемы визуальной семиотики. 2020. Т. 23. № 1. С. 93–103. DOI: 10.23951/2312-7899-2020-1-93-103.

Филиппов, 2008 – Филиппов А.Ф. Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008. 122 с.

Фуллер, 2008 – Фуллер С. Социальная эпистемология университета: как сохранить целостность знания в так называемом обществе знания / Пер. с англ. Ю.С. Моркиной // Эпистемология и философия науки. 2008. Т. XV. № 1. С. 158–186.

References

Berking, Löw, 2017 – Berking, H., Löw, M. *Sobstvennaya logika gorodov: Novye podkhody v urbanistike* [The Own Logic of Cities: New Approaches in Urban Studies]. Collection of articles, trans. by K. Levinson. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 424 p. (Trans. into Russian)

Verlen, 2001 – Verlen, B. “Obshchestvo, deistvie i prostranstvo. Al'ternativnaya sotsial'naya geografiya” [Society, Action, and Space: An Alternative Human Geography], *Sociological Review*, 2001, vol. 1, no. 2, pp. 26–47. (Trans. into Russian)

Vershinina et al., 2023 – Vershinina, V.V., Koldunova, E.V., Kuklin, N.S. “Yugo-Vostochnaya Aziya: podkhody k mirotvorchestvu i razresheniyu konfliktov” [Southeast Asia: Approaches to Peacekeeping and Conflict Resolution], *Vestnik RUDN. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. International Relations], 2023, vol. 23, no. 2, pp. 265–277. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-2-265-277. (In Russian)

Demyanenko, 2003 – Demyanenko, A.N. “Rayonirovanie i razrabotka strategii regional'nogo razvitiya” [Zoning and Development of Regional Growth Strategy],

in: *Strategiya razvitiya Dal'nego Vostoka: vozmozhnosti i perspektivy*. Vol. 1: Economics. Khabarovsk: Dal'nevostochnaya gosudarstvennaya nauchnaya biblioteka, 2003, pp. 78–84. (In Russian)

Dolenko, 2011 – Dolenko, D.V. “Aleksandr Ivanovich Sukharev i razvitie regionologii” [Alexander Ivanovich Sukharev and the Development of Regionology], *Regionologiya*, 2011, no. 3 (76), pp. 4–8. (In Russian)

Durkheim, 2021 – Durkheim, E. *Pravila sotsiologicheskogo metoda* [The Rules of Sociological Method], trans. by V. Zhelminov. Moscow: AST, 2021, pp. 10–11. (Trans. into Russian)

Ivanov, 2012 – Ivanov, D.V. “K teorii potokovykh struktur” [On the Theory of Flow Structures], *Sociological Research*, 2012, no. 4, pp. 8–16. (In Russian)

Kasavin, 2006 – Kasavin, I.T. “Sotsial'naya epistemologiya: ponyatie i problemy” [Social Epistemology: Concept and Problems], *Epistemology and Philosophy of Science*, 2006, vol. 8, no. 1, pp. 5–15. (In Russian)

Kerimov, 2022 – Kerimov, T. “Ontologicheskii povорот v sotsial'nykh naukakh: vozvrashchenie epistemologii” [The Ontological Turn in Social Sciences: The Return of Epistemology], *Sociological Review*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 109–130. DOI: 10.17323/1728-192x-2022-1-109-130. (In Russian)

Kremnyov et al., 2020 – Kremnyov, E.V., Kuznetsova, O. V., Lesnikovskaya, E.V. *Transdistsiplinarnaya regionologiya: teoriya i metodologiya* [Transdisciplinary Regionology: Theory and Methodology], ed. by E.F. Serebrennikova. Irkutsk: Irkutsk State University, 2020. 155 p. (In Russian)

Lefebvre, 2002 – Lefebvre, H. “Idei dlya kontseptsii novogo urbanizma” [Ideas for the Concept of New Urbanism], *Sociological Review*, 2002, vol. 2, no. 3, pp. 19–26. (Trans. into Russian)

Pavlovskiy, 2014 – Pavlovskiy, I.V. “Sotsiokul'turnoe regionovedenie kak gumanitarnaya spetsial'nost'” [Sociocultural Regional Studies as a Humanities Discipline], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2014, no. 2, pp. 102–109. (In Russian)

Plotnikova, Dubrovina, 2013 – Plotnikova, O.V., Dubrovina, O.Yu. “Globalizatsiya i regionalizatsiya, ikh vliyanie na mezhdunarodnoe sotrudnichestvo regionov gosudarstv” [Globalization and Regionalization and Their Impact on International Cooperation of State Regions], *Vlast'*, 2013, vol. 21, no. 2, pp. 134–136. (In Russian)

Porus, 2015 – Porus, V.N. “Ot mezhdistsiplinarnosti k transdistsiplinarnosti: mosty mezhdru filosofiei nauki i filosofiei kul'tury” [From Interdisciplinarity to Transdisciplinarity], in: Bazhanov, V., Scholz, R. W. (eds.) *Transdistsiplinarnost' v filosofii i nauke*. Moscow, 2015, pp. 416–432. (In Russian)

Ferenski, 2020 – Ferenski, P.Ya. “Kak vyiti za steny akademii i vernut'sya?” [How to Leave the Walls of the Academy and Return?], *Praxema. Problems of Visual Semiotics*, 2020, vol. 23, no. 1, pp. 93–103. DOI: 10.23951/2312-7899-2020-1-93-103. (In Russian)

Filippov, 2008 – Filippov, A.F. *Sotsiologiya prostranstva* [Sociology of Space]. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2008. 122 p. (In Russian)

Fuller, 2008 – Fuller, S. “Sotsial'naya epistemologiya universiteta: kak sokhranit' tselostnost' znaniya v obshchestve znaniya” [Social Epistemology of the University], trans. by Y.S. Morkina, *Epistemology and Philosophy of Science*, 2008, vol. 15, no. 1, pp. 158–186. (Trans. into Russian)

Berger, Luckmann, 1991 – Berger, P.L., Luckmann, T. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. London: Penguin Books, 1991.

Boyce, 2003 – Boyce, D. “A Short History of the Field of Regional Science”, *Review of Economic Design*, 2003, vol. 8, no. 1, pp. 31–57. DOI: 10.1007/s10110-003-0176-9.

Katzenstein, 2002 – Katzenstein, P.J. “Area Studies, Regional Studies and International Relations”, *Journal of East Asian Studies*, 2002, vol. 2, no. 1, pp. 127–137. DOI: 10.2307/23417714.

Latour, 2005 – Latour, B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2005.

Law, 1987 – Law, J. “Technology and Heterogeneous Engineering: The Case of Portuguese Expansion”, in: Bijker, W.E., Hughes, T.P., Pinch, T.J. (eds.) *The Social Construction of Technological Systems*. Cambridge, MA; London: MIT Press, 1987, pp. 111–134.

Law, 2002 – Law, J. “Objects and Spaces”, *Theory, Culture & Society*, 2002, vol. 19, no. 5–6, pp. 91–105.

Law, 2019 – Law, J. *After Method: Mess in Social Science Research*. London; New York: Routledge, 2019.

Paasi, 1986 – Paasi, A. “The Institutionalization of Regions”, *Fennia*, 1986, vol. 164, no. 1, pp. 105–146. DOI: 10.11143/9052.

Stiftel et al., 2006 – Stiftel, B., Watson, V., Acselrad, H. “Global Commonality and Regional Specificity”, in: *Dialogues in Urban and Regional Planning*. London: Routledge, 2006. DOI: 10.4324/9780203967508.

Soja, 1989 – Soja, E.W. *Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory*. London: Verso, 1989.

Wang, Zhao, 2024 – Wang, X., Zhao, Y. “The Production of Extended Local Territory: Topology and the Spatial Politics of City-Region Making in China”, *Urban Studies*, 2024, vol. 62, no. 5, pp. 995–1014. DOI: 10.1177/00420980241270959.